

Смирнова, Е. Д. Повседневная история Средневековья в медиевистике XX в. / Е. Д. Смирнова // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 117–121.

Е. Д. Смирнова

ПОВСЕДНЕВНАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В МЕДИЕВИСТИКЕ XX В.

В конце 70-х гг. прошлого века в ряде европейских стран (Германии, Австрии, Швейцарии, Франции и др.) возник новый род исследований и книг, предметом которых стала повседневная жизнь и быт обычных людей. Вскоре этот жанр получил название повседневной истории. Впрочем, и ранее повседневность отражалась на страницах научных изданий. Попытка концептуального осмысления понятия повседневности впервые в западноевропейской историографии была предпринята во Франции представителями школы «Анналов» (Марк Блок и др.). Определяя основные компоненты концепции тотальной истории, Жак Ле Гофф, представитель 3-го поколения историков школы «Анналов» подчеркивал, что она включает в себя не только то, что традиционно именуется культурой или цивилизацией, но также и материальную культуру — технику, экономику, повседневную жизнь (ибо люди и процессе истории строят жилища, питаются, одеваются и вообще функционируют)¹.

Испытав на себе воздействие школы «Анналов» и новой исторической школы, повседневная история получила всестороннее научно-теоретическое обоснование главным образом в западногерманской историографии. Понятие «повседневность» даже дало название целому направлению в немецкой исторической науке — «истории повседневности» (Alltagsgeschichte), хотя первоначально понятие «повседневность» (Alltag) использовалось только в социологии (В 1972 г. социологи А. Шюц и Т. Лукман описали особенности повседневного мира в книге «Структуры жизненного мира»). Но более широкое признание оно получило после выхода на немецком языке книги А. Лефевра «Критика повседневной жизни» (Мюнхен, 1975). Для ряда ученых оно стало ассоциироваться с распространенной в немецкой науке социо-философской концепцией «мира окружающей жизни» (Lebenswelt). Молодые ученые начали активно внедрять новую концепцию в гуманитарные дисциплины. В результате социология как таковая потеряла свое господствующее положение в антропологических исследованиях. И термин «история

---

¹ *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 6.

повседневности» все чаще стали использовать историки, хотя на Западе повседневная история еще долгое время развивалась в полемике с социальной историей (повседневная история воспринимала себя и как дополнение, и как альтернативу современной социальной истории).

В 1983 г. сторонники «истории повседневности» в ФРГ создали профессиональное объединение под названием «Мастерская истории», а в 1984 г. в

Берлине состоялась дискуссия о возможностях истории повседневности и ее пределах. С этого момента «история повседневности» по существу превратилась в самостоятельное направление исторической науки ФРГ. Определенным показателем интереса к тематике средневекового быта и истории повседневной жизни стало образование в Австрии (по инициативе Австрийской АН, г. Кремс) специализированного международного научно-координационного центра «*Medium aevum quotidianum*». В конце 90-х гг. дискуссия о возможностях концепции «повседневности» возобновились с новой силой. Теме повседневной истории был посвящен проходивший в Ганновере съезд немецких историков и проходившая в Беларуси конференция «Повседневная история и права человека» (организована Немецкой комиссией ЮНЕСКО и Белорусской комиссией по делам ЮНЕСКО (Минск, 1—5 декабря 1999 г.), на которой немецкий исследователь Ганс-Юрген Пандель отмечал: «Повседневная история изучает «маленьких людей» с их большими заботами». И подразделял изучение повседневной истории на три сферы: «Первая включает... антропологические факты, относящиеся к человеку в силу того, что он человек: рождение, сексуальность, болезни, смерть, детство, старость. Ко второй сфере относятся стратегии, необходимые для существования: питание, одежда, жилье, работа, досуг. К третьей — способы выживания в экстремальных ситуациях»¹.

В историографии советского времени изучение истории повседневности как самостоятельной дисциплины не получило столь широкого распространения. Научный поиск 60—70-х гг. сопровождался стремлением осмыслить процессы в зарубежной науке — филологии, лингвистике, социологии, истории. Одновременно были переосмыслены и как бы «открыты» заново труды многих русских ученых, российской историко-философской мысли рубежа и первых

---

¹ Пандель Г.-Ю. Повседневная история как новый жанр историографии // *Гісторыя штодзённасці і права чалавека. Матэрыялы міжнароднай канф., Мінск, 1–5 снежня 1999 г. Мн., 2000. С. 74, 77–78.*

десятилетий XX в. (к примеру, М. М. Бахтина, труды которого по культуре средних веков и Ренессанса знает сегодня весь мир, и историка-медиевиста, философа истории Л. П. Карсавина). Как и его французский современник Марк Блок, Л. П. Карсавин был одним из тех исследователей, которые содействовали новому подходу к изучению общества и новому пониманию задач исторической науки. В известной мере Лев Платонович Карсавин является предшественником того направления современной мировой исторической науки, которое часто называют исторической антропологией. «История не сводима к росту капитала, ренты, цен. Если мы за цифрой не воспримем, хотя бы смутно, человека, цифра — бесполезна», — писал Л. П. Карсавин. И именно в этом контексте он признавал и важность изучения средневековой материальной культуры и повседневности. «Материальное само по себе, в своей оторванности, не важно. Оно всегда символично и в качестве такового необходимо для историков во всей своей материальности. Оно всегда выражает, индивидуализирует и нравственное состояние общества, и его религиозные и эстетические взгляды, и его социально-экономический строй»¹. Таким образом, еще Л. П. Карсавин поставил вопрос о важности изучения «материального бытия» и повседневности как специфической сферы общественной жизни, синтезирующей и отражающей «нечто целостное и живое», присущее только этому конкретному времени. На 20-е гг. приходится и ряд конкретно-исторических исследований средневековой материальной культуры и повседневности (Мы имеем в виду работы О. А. Добиаш-Рождественской, А. Стефанович (А. Д. Люблинской) и ряда

других исследователей). В первую очередь следует отметить работы Ольги Антоновны Добиаш-Рождественской, виднейшего русского медиевиста-исследователя, ученицы И. М. Гревса, первой в России женщины доктора всеобщей истории, продолжительное время (с 1908 г.) работавшей в Париже. Среди значительного количества работ О. А. Добиаш-Рождественской обращает на себя внимание сборник статей (подготовленных под ее редакцией) «Средневековый быт» (Петербург, 1925). Однако только в 60—70-е гг. проблема истории повседневности, вещного мира средневекового человека, соотношение «человек — объект» вошли в поле зрения советской медиевистики, в которой это направление было представлено трудами А. Я. Гуревича, Ю. Л. Бессмертного и А. Л. Ястребицкой,

---

¹ Карсавин Л. П. *Философия истории*. Берлин, 1923. С. 99.

в работах которых, посвященных в основном средневековой ментальности, присутствует круг основных вопросов, с которыми неизбежно приходит в соприкосновение историк повседневности. В частности, их исследования ментальности показали, что средневековье создало свой не только философско-идеологический, но и вещный облик, свой тип повседневности. В постсоветское время в Институте всеобщей истории РАН (г. Москва) под руководством профессора Ю. Л. Бессмертного был организован центр «Истории частной жизни и повседневности» (с регулярным семинаром и периодическим сборником «Казус. Индивидуальное и уникальное в истории»). К настоящему времени вышли три сборника — в 1996, 1999, 2000 гг.). Вместе с тем работы, посвященные средневековому быту и повседневной истории, до сих пор не слишком многочисленны, далеко не равнозначны по научному уровню, подходам и методикам. Все они — отражение (и следствие) тех сложных процессов, которые переживает сейчас мировая историческая наука. Смысл их в общей переориентации самого исследовательского мышления, изменения ракурса изучения исторического прошлого и методов его постижения. Отказавшись от ориентаций традиционной истории, современная историческая наука (и медиевистика прежде всего) нащупывает пути, позволяющие приблизиться к постижению исторического прошлого непосредственно через субъекта и носителя этого прошлого — Человека. Поясняя сущность этого подхода, известный российский историк М. А. Барг отмечал: «Суть его заключается в переносе центра тяжести исторического исследования на феномен человеческой жизни в ее повседневности, во всех проявлениях и связях»¹. Спектр экзистенциальных проблем повседневности очень широк. Важнейшая из них — сама жизнь. Изучение истории повседневности — поле, где с наибольшей полнотой осуществляется творческий синтез дисциплин практически всего гуманитарного цикла, где переосмысляются, дополняя друг друга, данные археологии, лингвистики, литературоведения и фольклористики, экономической и социальной истории. А традиционные для исторического анализа методы сочетаются с постановками вопроса, свойственными этнологии, психологии и социальной антропологии. То есть повседневный мир исследуется (и описывается) специалистами разных областей знания

---

¹ Барг М. М. О категории «цивилизация» // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 25.

историками, этнографами, культурологами, социологами, философами. И исследователь (часто в одном лице объединяющий историка, этнографа, культуролога и т. д.) делает акцент либо на материальной стороне обыденности, на «мире вещей», составляющих социальное пространство, питающих человека, образующих интерьер, на фоне которого разворачивается жизнь, либо на ментальности, системе взглядов и переживаний. Так, ярким примером анализа предметного мира является хорошо известная (трехтомная) работа Ф. Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV—XVII вв.» (первый том которой называется «Структура повседневности: возможное и невозможное», а включенные в него главы — «Хлеб насущный», «Излишнее и обычное: пища и напитки», «Деньга», «Города», «Жилище, одежда, мода» и др.).

Итак, в работах о повседневной жизни прежде всего дается описание одежды, домов, атмосферы городских улиц, водоснабжения, структуры вещей, окружавших человека. Однако главная задача историка при этом, — как отмечал историк Г. С. Кнабе, — попытаться понять, как соотносится между собой история и быт, обнаружить в бытовых реалиях отражение магистральных исторических процессов и проследить эти исторические процессы до проявления их в повседневной жизни¹. При этом связь между историческим процессом и повседневным бытом не всегда видна. Скорее наоборот, обычно представляют, что одежда человека или меню его обеда не имеют никакого отношения к его общественной деятельности и не дают основания судить о его взглядах. Между тем такая связь существует, хотя и не всегда в открытой форме; ее то исследователь должен выявить и обосновать, поскольку бытовая повседневность и общественная жизнь образуют как бы две нераздельных стороны единого целого. И «именно в духовных и экономических отношениях повседневной жизни, — заметил Эрих Ауэрбах, — открываются силы, лежащие в основе исторических движений; эти последние, будь то война, дипломатия или внутреннее развитие государственного устройства, — лишь итог, конечный результат изменений, происходящих в глубинах повседневного»².

¹ Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. Очерки. М., 1986. С. 5.

² Ауэрбах Э. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М., 1976. С. 53.